

Аннет Путина
Анна Байрашная

*Памяти Гриценко
Александра
Николаевича*

Приказ о
ликвидации
Донбасс

**Аннет Владимировна Путина
Анна Сергеевна Байрашная
Приказ о ликвидации**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64884601

SelfPub; 2022

Аннотация

История войны, когда брат шёл на брата. Война отсоединения Донбасса от Украины, история, которая разорвала карту мира! Содержит нецензурную брань.

Анна Байрашная, Аннет Путина

Приказ о ликвидации

Подвиги наших современников никто не забудет! Война не закончится, пока не будет похоронен последний солдат!

Все события, описанные в рассказе, – художественный вымысел. Всякое сходство встречающихся в произведении собственных имен с действительными, в том числе фамилий и названий, является совпадением или используется как общедоступное.

Эта история началась с боли, потери, страшных ужасов войны и, к сожалению, закончилась тоже смертью. Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы я послушала свою маму и покинула Донецк навсегда. Возможно, я бы продолжила учебу в одном из российских медицинских вузов, а может, и вышла замуж за простого рабочего. Правда, Родина всегда слаще, даже если там война и реки крови текут без остановки. Если встретишь любовь среди обломков и постоянной смерти, тогда только поймешь ее настоящий вкус. Я хочу вам поведать маленькую историю героической любви, находящейся всегда под прицелом, которая в любую минуту может оборваться.

Был конец зимы, в стране подлетали цены на все, а зарплаты становились все ниже, жизнь превращалась в простое выживание, даже существование, а напряжение в обществе нарастало с каждым днем все сильнее. Я верила, что все будет хорошо и все обойдется, но люди поговаривали о страшных вещах, что готовят государственный переворот и, возможно, грядет война. Правда, мы были далеки от этого, думали о любви и совместном будущем. Мы пропускали мимо ушей людские переживания, в нас жила любовь и туманила рассудок.

Мы гуляли по солнечному Донецку среди морозных улиц, любовались последними, как оказалось, спокойными днями. Ничего не говорило о том, что наступит она – та самая гражданская война. Война власти с собственным народом. Но мы не думали об этом, потому что не верили, что этот день вообще наступит. Я держала своего любимого за руку, а Саша постоянно поглядывал на часы, а потом сказал:

– Жанна, мне пора идти, а то не успею подготовиться к экзамену. Давай я тебя сейчас провожу домой, хорошо?

Я не стала возражать, так как понимала, что он будущий адвокат. Улыбка озарила мое лицо, и я ответила, нежно обхватив его руку:

– Нет проблем! Я тоже позанимаюсь домашними делами, а то мама очень устает от этой рутины. Сам знаешь, она у меня еще и инвалид. Даже не знаю, что бы я без тебя делала.

Саша заулыбался, а потом сказал:

– Да не преувеличивай ты так. Ты у меня сама кого хочешь на ноги поднимешь. Вот уйду в армию, тогда будешь по-другому говорить!

Ох, умел же он пошутить. Меня это немного напугало. Я как хлопну по его спине ладонью, а он от неожиданности только засмеялся. Саша довел меня домой, попрощался, а потом пошел к себе. В тот день я жила надеждами на светлое будущее, но они оборвались, когда маме сообщили о том, что в Киеве идут полным ходом боевые действия. Массовые протесты против былой власти дошли и до нас. Я очень боялась за жизни моих любимых и в то же время не понимала, что происходит. Мама налила мне чай, а потом сказала:

– В городе будет небезопасно. Фашисты, ироды проклятые, захватили власть в стране. Не думала я, что доживу до этого. Готовь сумки, завтра поедешь в Россию!

Я не могла поверить в мамины слова. Вообще, о чем она? Обычные протесты еще ни о чем не говорили! Я хотела вставить лепту, как она добавила свою:

– Девочка моя, у нас Майдан на носу, а ты все нос от России воротишь!

– Мама, обычные протесты в стране еще ничего не значат! Ну сожгут пару покрывал, так не бежать же из-за этого! К тому же, если ты права, тогда я пригожусь тут! Не забывай, я фельдшер! – возмущенно ответила я.

Элементарно, бросить свою страну было нереально. Это наша родина, наши корни, а мама хотела, чтобы я все броси-

ла! Бред! Никогда в жизни оставлять свой родной край нельзя из-за тех, кто решил поиграть с жизнью своего народа! Было очевидно, что Киев направит тяжелую технику на нас, но в это верить не хотелось. Да и бросать Сашу я не была готова вообще. Правда, было действительно страшно за своих близких. Первые птички жестокой гражданской войны влетали в каждый дом, не оставляя надежды на то, что Украина одумается и не будет воевать с собственным народом! Но она оказалась неизбежна и шла напролом к нам, разрывая материнские сердца.

Весна постепенно вступала в свои права, а наш красивейший город горел и разрушался от взрывов и воздушных атак. Силовики ломали памятники советских войск, уничтожали все, что было связано с прошлым. А я бежала сквозь дым и гарь горевшего города, над головой свистели пули, но я все равно бежала через весь этот хаос к Сашке. Телефон был недоступен, а в общезитии его не было. Люди из «Беркута» били дубинками по простым гражданам, которые просто хотели жить лучше. Тут сама не поняла как, но с разъяренной толпой я оказалась возле здания Донецкой администрации. В тот день его брали штурмом. Когда я подняла свои глаза в дымное небо, то увидела, как на здании заиграл российский триколор. Протесты нарастали с каждой минутой. Крики и стоны вокруг вперемешку с гарью и дымом наводили ужас. Город пылал и просил освобождения, люди требовали лучшей жизни, сражались за свободу, не жалея собственной

жизни.

Обернувшись, я увидела его. Высокого блондина в форме, стоящего возле флага Донецкой республики. Этот человек показался мне будущим лидером Донбасса. Рядом с ним стоял и мой Сашка, гордо смотря на горожан. Мое сердце аж екнуло. Эти люди бесстрашные и полны героизма. Вдруг кто-то из толпы сказал:

– Это же Зоценко...

Это имя мне ничего не говорило, я только знала, что в стране произошел государственный переворот, только от одного этого понятия немели руки. Народ моей страны раскололи надвое. Разрезали, как огромное яблоко, на две половины. Разделили великую страну и натравили брата на брата. Вдруг я услышала плач маленького ребенка, обернулась и увидела, как маленький мальчик рыдал около молодой женщины. Среди этого хаоса никто не подходил к ним. А я врач, и мой долг – спасать людей вне зависимости от национальности и цвета кожи. Бог знает, сколько каждому человеку отведено в этой жизни, но бросить нуждающегося в моей помощи я не имела права.

Прорываясь сквозь разъяренную толпу и густой дым горящих покрышек, я приблизилась к пострадавшим. Но, к сожалению, добраться к молодой женщине я так и не смогла, начались обстрелы в городе. Нечто жестокое пронзило город в эту ночь, словно неопишуемая сила швырнула меня к этому мальчику. Чуть позже я смогла вынести его из-под обстре-

ла. Стоны и крики разносились по ночному Донецку, а я бежала по закоулкам, крепко прижимая к себе ребенка. Внутри бушевала ярость к тем, кто развязал войну в моем родном краю. Столько крови пролито невинных людей, столько боли причинено детям. Я не понимала, за что так жестоко с собственным народом обходилась Украина? Ведь эти дети тоже хотят жить с родителями, а не спать у их надгробия в холодном одиночестве и с разбитыми на миллионы осколков сердцами.

Ближе к утру я смогла дойти до своего дома. Бедный ребенок крепко прижимался ко мне, а я даже не думала, что же делать дальше. Когда я вломилась в квартиру, моя мама чуть ли не в истерике кинулась меня обнимать. Слезы текли по ее лицу, а слов она так и не смогла найти. Я посмотрела на нее, а потом сказала:

– Мама, приготовь кровать в моей комнате. Маму этого ребенка убили боевики на моих глазах. Они просто расстреляли женщину и все.

Я не ожидала такой реакции от своей матери. Она без ворчанья кинулась в мою спальню и сделала все, о чем ее попросила. Удивительно? Ее словно подменили. Уложив малыша в кровать, мы пошли на кухню. За свои двадцать лет я еще не видела войну, а теперь она дышит мне в затылок. А моя мама печально посмотрела на меня и сказала:

– Тебе необходимо покинуть территорию Украины. Грядет что-то плохое и страшное. Необходимо уезжать из стра-

ны как можно быстрее!

Я не слушала свою мать. Просто не могла понять, куда смотрят власти? Почему они не вводят военное положение? У нас уже громят город. А если взять весь юго-восток – то он горит, и начинаются обстрелы. Я толком не осознавала, что те, кто незаконно захватил власть, ведет войну с собственным народом. Взглянув на свою мать, сказала:

– Мама, почему они устроили войну с собственным народом? Почему они убивают граждан своей же страны?

Она угрюмо посмотрела на меня, а потом зарычала:

– Тебе уезжать нужно! Доченька, дальше будет только хуже, понимаешь? Я была на войне в Афганистане и знаю, что это такое, а ты нет! Поэтому будешь слушать меня! Ты немедленно соберешь свои вещи и покинешь Украину!

– Я никуда не поеду! Сейчас врачи и тут нужны! Тем более, ты сама только что сказала, что знаешь о войне все! Я так же, как и ты, давала клятву и сдержу ее! – дерзко ответила я и обрубивла окончательно свой разговор. Встав из-за стола, направилась за аптечкой, как вдруг за окном разнеслась стрельба и взрывы, от которых у нас повывлетали стекла. Маленький мальчик в истерике заполз под кровать, а я от неожиданности упала на пол. Быстро поползла к ребенку. На улице были слышны крики и стоны, а я крепко прижимала к себе этого мальчика. Мама оставалась на кухне, на удивление даже не плакала. Через некоторый отрезок времени я крикнула:

– Мама!

Но она молчала. Я еще раз крикнула:

– Мама! Мама, ты меня слышишь?!

Ответа не было. Я посмотрела на мальчика, а потом прошептала тихонечко:

– Я сейчас приду, а ты не вставай. Сиди тут, хорошо?

Сквозь звуки стрельбы и стоны я доползла по полу на кухню, от увиденного замерла. Мама лежала вся в крови посреди комнаты, а в стене была видна улица. В наш дом попал снаряд, который разнес соседний подъезд. Я в панике подползла к маме, как вдруг по нашему дому вновь открыли огонь. Маленький мальчик в соседней комнате заплакал. Подскочив к матери, я тронула ее пульс и поняла, что это конец. Она мертва. Думать было не о чем, необходимо было спасти ребенка от неминуемой смерти, которая грозила нам обоим. Сама не знаю, как я смогла собрать себя в кучу и схватить малыша. словно в тумане, выбежала из квартиры в подъезд, а потом на улицу. Перебежав через асфальт, услышала, как сзади что-то массивное рухнуло. Обернувшись, я увидела, как наш дом сложился, словно карточный домик. Наши власти стреляли по горожанам с улыбкой на лицах, а мы лишь бежали в панике куда глаза глядят. Сама не знаю, как попала к ополченцам. Видимо, Богу было угодно попасть к ним в штаб.

Я сидела в кабинете перед этим голубоглазым блондином. Александр Зоценко внимательно смотрел на меня, а потом

сказал:

– Значит, ты училась на военного фельдшера?

– Да, это так, – вполголоса ответила я.

Этот мужчина глубоко вздохнул, а потом спросил:

– Ты понимаешь, что сейчас происходит в нашей стране?

Если честно, я толком еще не понимала, что это за война со своим же народом. Из-за чего я, заплакав, пробормотала только одно:

– Не знаю. Они мою маму убили! За что? За какой грех?

Зощенко положил ручку, а потом сказал:

– Власти используют нас в своих интересах. Если быть точным, Америка хочет править миром. Только не бывать этому! Донбасс будет жить и развиваться, несмотря на военное время! Так что, ты хочешь вступить в военные силы ДНР и ЛНР?

Я тяжело вздохнула, а потом ответила, горько глотая слезы:

– Согласна! Мы победим и отомстим за всех тех, кого они убили!

Александр улыбнулся, а потом после звонка на его телефон мы быстро поехали. Оказалось, что в Одессе в доме профсоюзов заживо сожгли людей. Многим из них не было и восемнадцати лет. Страшная, но героическая смерть за свою землю. Одной молодой девушки крики разнеслись по округе, люди запомнят навсегда ее крик. Что с ней делали, никто толком не знает, но все было очень страшно. Граждане вы-

ходили на улицы Донбасса в надежде положить цветы к горелому зданию, но силовики стреляли по ним.

В мае прошел референдум, и образовалась совершенно новая республика – Новоруссия. Люди поверили в то, что можно жить лучше, при этом быть теми, кем они являются на самом деле. А вот Зоценко стал комендантом города, а мой Саша находился в его окружении. Я была счастлива, что сквозь стрельбу и смерть мы можем смотреть друг на друга, как и раньше. Но вслед за горем обстрелов пришла еще одна беда.

Красивейший аэропорт Донецка был захвачен карателями. Зоценко вместе с людьми бросился вырывать его из лап силовиков. На поле боя я помогала всем пострадавшим, старалась изо всех сил. Подбежала к одному раненому, как вдруг раздался взрыв. Не знаю, что произошло, но взрывной волной меня отбросило в сторону. В голове все плыло, а в ушах шумело. Эхом отдавались голоса и стоны людей, а битва за стратегически важный объект нашего города продолжалась. Ожесточенные бои все больше переходили рамки дозволенного со стороны карателей. Спустя некоторое время я потеряла сознание. Очнулась уже в госпитале. Лежала под капельницей со страшным головокружением и тошнотой.

Эхо суровой войны било по всем жителям Донбасса, а больницы сами за себя твердили об этом. Переполненный приемный покой, нехватка медикаментов и отсутствие света практически часами катастрофически отражалось на всем.

Город разносили в пух и прах, а мертвых не успевали хоронить, власти Украины убивали женщин, детей, собственный народ, ради дешевой власти шла губительная бойня, а главное, бессмысленная. Тысячи людей оставались без крова, а тысячи были похоронены заживо в руинах собственных домов. Только в этой войне выиграют бедные и голодные, а не толстые свинки США. Народ Донбасса воюет за свое право на существование и свободу жить достойно. А не поддерживать нацистов и их фашистские методы уничтожения собственного народа.

Как оказалось, аэропорт отстояли, отдав свои жизни, об этом гремело все отделение. Около недели я лежала без сознания, а сегодня слишком много информации поглощало меня в водоворот событий.

Молоденькая медсестра вошла ко мне в палату, поставила капельницу. Я недолго думая решила спросить:

– А вы не знаете, Зоценко не убит?

Она посмотрела на меня, а потом ответила:

– Устами Господа Бога, остался жив. Правда, осколок попал в ногу, но жить будет!

Славу богу, что выжил. Новоруссии такие лидеры нужны, ибо не собьемся с пути верного. Такие люди рождаются всего один раз в век!

Поставив мне капельницу, девушка покинула палату, а я закрыла глаза. Не знаю, почему я тогда забыла о своем любимом? Видимо, из-за того, что за окном творились очень

страшные вещи. Каждый день за сотню зашкаливало число жертв, и эта цифра росла все больше. В города и села загоняли танки и били по жилым домам, а в итоге свой народ киевские власти прозвали террористами!

Вдруг я услышала, как кто-то вошел ко мне в палату, и открыла глаза. Передо мной сидел на стуле сам Зощенко. Внимательно разглядывал мое лицо, а потом сказал:

– Твой молодой человек, моя тетка. Всегда думал о тебе. Тут его медалью наградили как героя Донбасса. Думаю, будет правильно отдать ее тебе.

– А почему вы сами ему не отдадите? – удивленно спросила я.

Александр тяжело вздохнул, а потом ответил, опустив глаза в пол:

– Награжден – посмертно...

Меня словно током пронзило. Что он такое говорит? Не может быть! Саня жив! Он жив! Я тогда не могла поверить в это. Только его молчание говорило о том, что это все чистая правда. Зощенко вложил в мои дрожащие руки награду, а потом сказал:

– Мы отомстим за него и тех, кто отдает свою жизнь за будущее Донбасса! Наши герои всегда останутся в наших сердцах! Пацаны, которым только двадцать лет исполнилось, погибли – это героизм! Твой Саша – герой Донбасса!

Я не могла сдержать слез, прижимала к груди его медаль. Золотая звездочка лишь от него осталась и все. Один кусочек

метала и памятный обелиск его могилы.

После выписки я направилась сквозь шквал огня к могиле моего любимого. Шел сильный дождь, но он не мешал карателям стрелять по мирным жителям. Каким-то чудом я добралась до нового пристанища Саши. Увидев металлический крест, я заплакала. Не могла терпеть боль, которая сжигала все во мне. Дождь сильно бил по лицу, одновременно смывая с него слезы горя, потерь и ужаса войны. Я присела рядом с крестом, а потом достала из кармана его звезду со словами:

– Это принадлежит тебе! Саша, я клянусь, что не сбегу с поля боя! Донбасс будет жить не под гнетом фашистов, а свободой!

Сквозь слезы я немного откопала глину под крестом, положила посмертную награду в ямку и прикрыла ее обратно почвой. Мне казалось, что я недостойна держать ее у себя. Пусть она будет покоиться с Сашей вечно. Он сам был из Донецкого детского дома – сирота. А я не могла оставить ее себе, необходимо было немедленно ехать в село Кожевня. Там начались страшные обстрелы, киевская власть не скупилась в выборе оружия и даже не брезговала запрещенным химическим оружием. Донбасс был похож на огненный котел, а мы на еду, которую пытались приготовить в нем при помощи фосфорных бомб.

Под страшные обстрелы попали Горловка, Макеевка, Кожевня, Луганск, Донецк и весь Донбасс. Для силовиков это было забавой и даже игрой. Рано утром двадцать второго

числа ровно в четыре часа силовики напали на деревни, когда люди мирно спали в своих кроватях. Все действия проходили точно так же, как в июне сорок первого года. Я понимала одно – фашисты вернулись. Дьявол вернулся. Измученный народ Донбасса не опускал головы, чем больше власти Киева ставили нас на колени, тем быстрее мы вставали. У нас была вера в нормальное будущее, за которое готовы отдать свои жизни. Конечно, множество людей в ужасе покидали свои разрушенные дома и переправлялись в Россию подальше от крови, минометного огня и смерти, а кто воевал за свою родную землю.

Во время обстрелов села Кожевня Зоценко пуля прошла руку. Я тоже там была, и поверьте, зрелище не из лучших. Убитые люди, разрушенные дома, плач людей. Вокруг гарь и вонь горевших трупов.

Пока я вместе с другими докторами грузила пострадавших от обстрелов людей, силовики выстрелили снарядом в один старый деревянный дом. Я увидела, как строение разлетелось в щепки. Каким-то чудом маленький мальчик лет трех, в одних трусиках и маечке, выжил. Он толком не понимал, что произошло. Со страхом смотря на разрушенный дом, плакал. Его глаза я запомню на всю оставшуюся жизнь. Это чумазое заплаканное лицо одним только выражением говорило об ужасе войны. Не знаю как, но я бросилась со всех ног к маленькому ребенку. Над головой свистели пули, а вокруг разносились залпы минометного огня. Гарь и ко-

поть от обломков дома разносились по всей улице. Я чудом проскочила к ангелочку и упала с ним на землю. Маленький мальчик прижимался ко мне все сильнее и сильнее, а я просила Бога помочь нам спастись. Шквал огня не стихал, а мы лежали, плотно прижавшись друг к другу. Спустя некоторое время все затихло, а мальчуган посмотрел на меня, а потом сказал:

– А где мои мама и бабушка?

Я не знала, что ему сказать и как объяснить ребенку, что его дом обстреляли. Как изложить правильно, что его близких, возможно, больше нет в живых? Увы, но я не знала! Прижимая малыша к себе, горько заплакала, проклиная эту войну еще раз. Почему наши дети должны терять своих близких из-за того, что мы просто хотим жить свободно, а не в киевской власти, как рабы?

Ближе к вечеру мы везли раненых в госпиталь, а я вспоминала Зоценко. Разве такие, как он, еще существуют? Истинные лидеры, и это заметно невооруженным глазом. Из новостей по радио мы узнали о том, что его ранили и присвоили майорские звездочки. Одновременно я радовалась и вспоминала тот день, когда его впервые увидела. Этот человек может возглавить нашу республику и довести ее до благополучного присоединения к России. Такая мечта была у многих жителей горевших деревень, хуторов, городов. Мы лишь хотели мира и жить, как мы этого хотим, а не новая власть Киева. Этот незаконный государственный переворот к добру

не привел, весь юго-восток подвели под оружие. Заставили плакать матерей, жен и детей по погибшим.

Спустя некоторое время после получения звания майора Зоценко назначили замминистра республиканского МВД. Я прокралась к любимчику всего Донбасса в кабинет с поздравлениями.

Александр сидел за письменным столом и что-то записывал себе в документах. Я вошла без стука, чем вызвала недовольство с его стороны:

– Что ты тут делаешь? Разве тебя стучать не учили?

– Прошу прощения. Я поздравляю вас с получением нового звания.

Зоценко полез в стол и достал почетную грамоту с медалью за заслуги перед Донбассом, потом посмотрел на меня и сказал:

– Ну что, Жанна Михайловна? При всем моем недовольстве я хочу поздравить вас с этой наградой! Вы спасли ребенка Донбасса от неминуемой смерти! Примите мои поздравления и эту награду!

Я не могла поверить в то, что меня благодарят и тем более награждают. Минута полной тишины, как вдруг в городе раздались новые обстрелы. Александр завалил меня за пол и плотно накрыл собой. Мы даже не понимали до конца, что это за оружие. Ведь ночь кругом, а за окном было что-то похожее на химическую атаку. Стекла в здании вылетели, а едкий запах заполнял здание все сильнее. Не знаю как, но

только через несколько дней я открыла свои глаза в больнице. Как оказалось, на города и деревни обрушился град из фосфорных бомб. Запрещенное оружие использовали для убийства во время ночи! Силовики только и умели заживо сжигать людей и нападать на спящие города и деревни. От фашизма нет вакцины, он, как холера, не истребляется!

Помимо реальной войны была еще и информационная. По телевидению утверждали, что русские напали на нас и обкидали запрещенным химическим оружием. Но мы-то знали, кто вел против своего народа войну. Многие забирали детей и покидали зоны обстрела, бросали Украину и мигрировали в Россию. На границе с Ростовом ждали наших граждан медики, психологи, спасатели и волонтеры. Все эти люди работали с каждым и старались помочь чем могли. А у нас военные действия вошли в полную силу. На носу были предстоящие выборы главы республики Донбасс. Один бог знал, чем они могли закончиться.

Ведь все те, кто проводил референдум, были убиты, а точнее, взорваны. Наша республика не сдавалась, шла только вперед к своей цели. Правда, теперь все жители Донбасса и даже дети являлись террористами. Это позволяло карателям убивать всех без исключения.

Настал день выборов. Как ни удивительно, по нам все так же стреляли из всех орудий, а явка была высокая. Я, как и многие другие, отдала свой голос герою Донбасса Александру Зощенко. В его победе не было сомнений. Вот только

главы Евросоюза, Америки, Украины не признали выборы в республике легитимными, а российский МИД заявил об уважении волеизъявления граждан восточного региона. Сама же инаугурация, в которой Александр Зощенко принял участие, проходила в академическом драмтеатре Донецка.

Александр, положив руку на священную Библию, торжественно давал клятву на верную службу Донбассу. В тот день, хоть и с перебоями, все транслировалось по местному телевидению. Многие жители плакали, а я застыла на бархатном кресле драмтеатра, когда Зощенко давал клятву всем нам. За окном война, а мы пытаемся изменить все к лучшему. Все вместе верим в светлое будущее. Воюем за свою страну, веру, любовь, надежду!

Я пристально смотрела на лидера ДНР и понимала, что теперь будет ожесточенная бойня. Мы второй Нагорный Карабах! Они ведь тоже провозглашали себя республикой, но их не признали. По сей день умирают дети Армении и Азербайджана. Вместо того чтобы прекратить кровопролитие в этой непризнанной республике Нагорный Карабах, две республики – Азербайджан и Армения – рвут ее на части, одинаково уже по локоть в крови утонули. А могли бы совместными усилиями восстановить ее, построить заводы, развести сельское хозяйство и заставить два враждующих народа ради своих детей и будущего работать бок о бок! Но этого не происходит уже два десятилетия! Только кому от этого легче? Легче только тем, у кого скупают тоннами оружие и ме-

дикаменты, но не страдающему народу под обстрелами. Им легче убивать, истреблять и друг на друга перекладывать вину. У нас на Донбассе началось то же самое, как и у них. Мы тоже хотим жить так, как хотим, а не так, как нам навязывает Запад!

После выборов Зоценко совместно с главой ЛНР поставили свои росписи под документом, согласованным «нормандской четверкой» в Минске. Главы четверки наконец-то договорились о двухстороннем прекращении огня только с февраля следующего года. Только все эти меры не принимались, а огонь все пуще бил по деревням, а теперь и Дебальцево тонуло в крови и огне. Ожесточенные бои пополняли список убитых героев Донбасса. Длинный список ежедневно вырастал, а мужество возрастало. Я, как военный врач, сутками находилась в зоне обстрелов, борясь за жизни всех, кто попадался мне. В самый непредсказуемый момент ко мне занесли раненого в ногу Зоценко. Военный глава ДНР лежал на кушетке с окровавленной ногой и только переживал за своих бойцов, бурча себе под нос:

– Да оставьте вы мою ногу! Я обязан быть с бойцами!

Я вколола ему обезболивающее со словами:

– Вы им ничем не поможете, если без ноги останетесь и, не дай бог, умрете! Поэтому лежите смирно! Лучше подумайте о своей жене и детях, к тому же у вас их четверо! Что будет с ними, если вы погибнете? Их убьют сразу! Пока вы живы, и ДНР живет, и ваша семья! Поэтому я сейчас извлеку пулю, а

вы поправите свое здоровье! Знаете, Александр? Не думала я, что вы такой колготной! Всегда серьезный, а тут летите на фронт, даже забыв о своей ране!

– Это не рана, а царапина! – скрипя зубами, сказал глава.

Конечно, для вас, мужчин, любая рана будет сравнима с царапиной. Как же я не завидовала его жене, Лидии. С таким мужчиной нужны крепкие нервы, без них будет невозможно выдержать все это.

Лиду привезли в больницу к мужу, а мне лишь оставалось следить за ними со стороны. Как же ей повезло! Она могла быть рядом с любимым, плакать у его изголовья, а не над кровавой плитой гранитного обелиска. Какое это счастье – встречать живыми своих мужей с войны, но очень горько отправлять их обратно.

После небольшой операции по извлечению пули жена Александра влетела в палату. В слезах бросилась к нему в объятья со словами:

– Саша, тебя опять чуть не убили! Сколько раз будут еще совершаться на тебя покушения?

Лидер ДНР провел ладонью по кофейным волосам супруги, сказал:

– Милая, нужно потерпеть. Это долгий путь, опасный! Но мы обязаны пройти его до конца, а иначе нельзя! Мы должны довести Донбасс на место своих истоков, а по-другому не может быть!

Лида отпустила руку Александра, нахмурилась, а потом

сказала:

– Один бог знает, когда закончится ваша война! Детям сейчас жить нужно, а не трястись от взрывов минометного огня и фосфорных бомб. Тысячи остаются без крова над головой, детские дома переполнены, воздух уже пропитался кровью! Господи, может, я несучушь, но я уже устала от этой войны! Саша, тебя в Киеве провозгласили предателем родины и террористом!

Зощенко смотрел на свою жену, но не сказал ни единого слова в свое оправдание. Он знал, что прав, а за нее прощения не просят. Глава прижал свою жену к своей груди, тяжело вздохнул и сказал:

– Милая, тебе пора идти к детям!

Женщина без лишних слов и нежности покинула палату. Зощенко прикрыл глаза и о чем-то задумался.

Время шло, а на календаре строго застыл третий год войны за Донбасс. Ежедневно каратели убивали мирных жителей, а ополченцы смело давали отпор. ДНР и ЛНР жили, сквозь войну развивались. Постепенно восстанавливались поврежденные угольные заводы. Настроивался товарооборот внутри Новоруссии и за ее пределами. Республики жили даже сквозь боль и тяжелое время войны.

Многие жители пытались восстанавливать свои дома после обстрелов, налаживали быт. Люди жили, старались не просто выжить в это непростое время, а действительно прожить достойно. А я работала фельдшером на фронте, как

обычно, спасала жизни нашим солдатам. Моя мама никогда бы не приняла мое решение стать военным врачом, только вот жизнь решила все за нас. Мой выбор был моим, а спасать жизни героям нашего времени было достойным занятием.

После тяжелого дня я завалилась спать. Мои ноги гудели, а я медленно провалилась в глубокий сон. Не знаю, сколько времени я пролежала в отключенном виде, но когда проснулась, увидела над собой мужчину в военной форме с очень знакомым лицом. Его знал весь мир, даже в предатели Украины вписали, санкции Запад на него наложил. Только вот его строгость и выдавала. Зоценко посмотрел на меня и сказал:

– Жанна, ты нужна нам в Донецке! Под новые обстрелы попали дети, срочно необходима твоя помощь!

– Как я смогу оперировать детей, я же простой фельдшер? – испуганно пробормотала я.

Только Зоценко мои слова не понравились, и он прогремел:

– Маркина, это приказ! Даю на сборы двадцать минут, и мы вылетаем! – Без лишних слов глава встал и покинул мою палатку.

Собравшись, вдруг я краем уха услышала сквозь щель в двери:

– Ну как я вам отдам лучшего специалиста с фронта? Жанночка лучшая даже среди академиков! Она врач от Бога! Может провести операцию даже в экстремальных условиях! Если бы она доучилась на хирурга, то смогла бы и Нобеля

взять! – возмутился наш командир взвода.

Правда, он был не прав, а точнее, мне так казалось. Только вот Александр стоял на своем:

– Поэтому я тут! У нас три автобуса с детьми взорвано! Детей побили! Маркина поедет с нами, это приказ!

Разговор на высоких тонах прекратился, и я подошла к Зощенко со словами:

– Я готова!

– Ну и славно! – ответил он.

Полет оказался очень быстрым, как никогда. Мы уже были на месте трагедии. Валили черные клубы дыма, а груды искореженного металла валялись по округе. Пожарные тушили очаги возгорания, спасатели вырезали из металла детей и их останки. В жилах стыла кровь, а разум фокусировался только на раненых. Снег все гуще ложился на город, замечая следы войны всеми силами. Всех пострадавших и погибших отправляли в городскую больницу, а я поехала вместе с ними. Приказу Зощенко никто не стал перечить, а я впервые в жизни проводила операции не в палатке, как на линии фронта, а в настоящей реанимации.

К Александру подошел главный врач Донецкой районной больницы с вопросом:

– Александр Владимирович, почему именно она? Разве в Донецке уже совсем не осталось первоклассных хирургов? Неужели вы не боитесь доверять юной девушке жизни детей? У нее нет опыта!

Зощенко посмотрел на мужчину в белом халате и ответил:

– У меня тоже нет опыта в управлении страной, но почему-то мы идем правильным курсом! Как мне доверили граждане страну, так и я доверил жизни донецких детей Жанне! Таких, как она, и в целой Украине не сыскать! Она лучшая, хоть и молода! Не мы выбираем, а нас выбирает наша судьба!

Не знаю, сколько времени шла операция за операцией, но они все прошли успешно. По окончании я уже не чувствовала ног и рук, а счастье распирало меня. Все прошло как по маслу и не единой смерти. Просто чудо!

Весной пронеслась потрясающая весть о том, что с главы ДНР сняты все обвинения по статье, связанной с терроризмом. Генпрокурор заявил, что дело Зощенко не попало на рассмотрение судей, так как у ведомства нет достаточной массы улик для доказательств вины политика. Эта новость ободрила всех избирателей, и Донбасс смело отправился на подготовку к празднованиям 9 Мая. Хотя новая киевская власть запретила георгиевскую ленту и гвоздики, ветераны все равно шли, как и раньше. Киев сходил с ума, цепляя себе на грудь красный мак, заставляя людей поклониться нацистам и присягнуть на веру фашизму, а не настоящей истории. Ветеранов оскорбляли, а памятники сносили. Только Донбасс стоял на своем и готовился, как подобает. Уважение своих корней – самое важное в жизни любого народа.

Вдруг мой телефон зазвонил, и я подняла трубку рано утром восьмого мая.

– С добрым утром, Жанна! – знакомый мужской голос пронзил мой динамик.

– Александр Владимирович? С добрым утром! – громко сказала я.

– Сегодня поедешь со мной к мемориалу «Саур-Могила», чтобы проинспектировать подготовку к празднованиям. Сама понимаешь, что угодно может произойти. Вдруг обстреляют опять людей, или еще хуже, что-то заминировали. Не дай бог еще будут пострадавшие, твоя помощь незаменима! – спокойно ответил политик.

– Хорошо, через пять минут буду готова! – прошептала я, отключив телефон.

В первую очередь я проверила содержимое своего медицинского саквояжа, а потом только оделась. С самого утра день не задался. Я цеплялась за все краем плаща, и это нервировало.

Возле дома меня уже ждал черный автомобиль нашего главы. Когда я уселась на заднее сиденье, Александр сказал:

– А говорят, что девушки не могут быть героями нашего времени.

Видимо, он просто шутил и захотел разрядить обстановку. Я улыбнулась, а потом сказала:

– Эта война доказывает, что все герои живут среди нас и были тут всегда! А вы, Александр Владимирович, и есть герой нашего времени!

– Мы подъезжаем к мемориалу, – сказал один из охран-

ников, как вдруг раздался взрыв, а за ним грянул второй.

Зоценко сразу же повалил меня на пол автомобиля. В машине вынесло стекла. Можно было подумать, что убивать нас не хотели, а предупреждали. Александр сразу же поднял голову и стал спрашивать своих людей, в том числе и меня:

– Все живы? Никто не пострадал?

На его счастье, все выжили и отделались только небольшими ушибами. Александр вместе с товарищами вышел из машины, а меня оставили в ней и попросили пригнуться на всякий случай:

– Это покушение было четко запланировано, чтобы запугать нас! Александр Николаевич, среди нас есть предатель, и он в одном строю! – выпалил один из охранников.

Зоценко присел на корточки, внимательно рассмотрел место взрыва и сказал:

– Взрывное устройство, вообще-то, высшего качества. Сразу видно, что заводское. Вызывай экспертов, необходимо узнать поподробнее о нем, а главное, какая страна-производитель.

Зоценко посмотрел на меня и улыбнулся. Его улыбка могла заморозить любого. Правда, мне казалось, что только не его жену. Не знаю, сколько времени мы пробыли на месте взрыва, как вдруг приехала еще одна машина. Из нее вышла низенькая блондинка в алом платье. Зареванная молодая женщина подбежала к своему мужу. Она вцепилась в его шею своими тонкими ручками и горестно плакала. Женщи-

на в истерике толком не понимала, что несла:

– Ты когда-нибудь погибнешь от этой войны! Тебе не жаль себя, так пожалей своих детей! Саша, я устала каждый день ждать вести о твоей кончине! Боже, что я несу? Господи, прости меня. Саша, умоляю, прости. Я, словно подопытная крыса, всегда нахожусь под дулом пистолета! Боже, как я устала от этого всего!

Мужчина крепко прижал к себе жену и громко, во весь голос прогремел:

– С сегодняшнего дня мы не дадим врагу доводить наших жен и дочерей до слез, ибо больше ни одна женщина Донбасса не заплачет! Наша свободолюбивая республика является частью Советского Союза и России! Мы просто обязаны вернуться на родину, Россию! Мы не будем подчиняться эсэсовцам и вороткам Гитлера! Если не мы защитим наш край, то тогда никто, кроме нас!

Он был прав во многом. Жить в стране, которую поглощает каждый день фашизм, нереально. Нужно думать и о наших детях, и о их наследниках. В конце концов, если не будем бороться за светлое будущее, где нет фашизма, тогда мы сможем что-то улучшить. А так в стране гуляла безработица, полный крах и невозможная жизнь. Мы все верили словам Зоценко и шли его курсом к светлому будущему.

Рано утром возле мемориального монумента проходило мероприятие. Девятое мая проходило, как и положено. Зоценко вышел на сцену с сенсационным заявлением для

граждан ДНР:

– Здравствуйте, дорогие дончане! Я рад поздравить вас с этим великим праздником! Мы чтим память о наших героях. Наши деды победили фашиста с вилами в руках. А я, как и многие из вас, считаю себя гражданином СССР и хочу, чтобы Донбасс вернулся на свою большую родину, Россию! Хочу, чтобы Донбасс стал правопреемником Украины, а Киев утратил статус историко-культурного значения! Есть только мы и Россия!

После этого заявления граждане ликовали, а силовики готовили новые теракты и обстрелы Донбасса.

Время летело. Я, как обычно, уехала на линию огня, спасая солдат, а Зоценко так же бывал на фронтах и налаживал быт Донбасса. Они вместе с главой ЛНР поднимали экономику, восстанавливали заводы. Даже назначили пенсии всем жителям республики. Как могли, так и развивались. Санкции против наших республик так и шли со стороны Евросоюза, Америки и Украины. Обстрелы не прекращались, то мост взорвут силовики, то обстреляют простых людей. Зато на фронте солдаты спали в окопах с оружием в руках. Стоило зажечь спичку или включить телефон в ночное время, снайперы силовиков открывали огонь. В общем, все шло своим чередом.

Я решила отдохнуть после сложного дня, как вдруг в мою палатку вломились с воплем:

– Жанна, к тебе гость! – вскричала моя коллега по фронту

и белому халату.

– Кто? Я вроде никого не ждала! – удивленно ответила я.

– Мне велено тебе ничего не рассказывать, а просто привести тебя к нему, – растерянно ответила медсестра.

Я без лишних слов пошла за ней. Усталость не давала быстро идти, а главное, думать трезво. Пройдя по окопу, я увидела знакомый силуэт и оторопела. Зоценко стоял с розами и кого-то ждал. Я почему-то подумала, что от него сбежала жена. Правильно, такое выдержать очень сложно, при этом иметь еще детей. Стоило мне подойти к нему ближе, как Александр сказал:

– Я тебя, Жанна, уже заждался.

– Отчего же? – спокойно спросила я, хотя внутри все бушевало от волнения.

– Это тебе. Прости, я не романтик. Полный дурак, что выбрал такое место для этого разговора, – ответил глава.

– Для какого разговора? – переспросила я.

Александр нервно стал мять цветы, а потом ответил, вкладывая мне в ладони розы:

– Выходи за меня замуж... Свадьбу не обещаю, просто распишемся, а когда война закончится, сыграем по всем правилам. Ты согласна?

Да о чем тут можно было думать? Он мне нравился уже давно, а точнее, с первого взгляда. Не понимаю, почему его бросила жена? Как вообще можно покинуть такого мужчину? Я и не думала, просто ответила:

– Я согласна!

Александр крепко прижал меня к себе. Мы стояли посреди окопа, возможно, даже жить нам осталось совсем немного, но я уже давно не чувствовала такого счастья. Это был самый большой подарок всей моей жизни. Зощенко взял меня под руку и повел в свою машину. Этот момент я запомню навсегда, так как он поистине значимый. Вокруг война, а мы создаем крепкую семью, любим друг друга, сплетаемся телами. Вокруг льется кровь, а у нас зарождается новая жизнь. За рождением следует смерть, а за смертью жизнь, и все по кругу. На наши места придут другие, а мы постепенно сотремся из памяти наших близких.

Мы жили душа в душу, правда, очень редко были вместе. Саша постоянно был на поле боя или на посту главы ДНР. Он вел народ назад домой, а я ждала своего первенца. Меня не смущала постоянная охрана и дуло пистолета, постоянно направленное на меня. Просто ждала и верила, что все будет хорошо. Моя беременность протекала без отклонений, был уже последний месяц. Вдруг в наш дом приехала гостья. Я ее узнала сразу, только не понимала, чего она хочет. Женщину впустили только после того, как тщательно проверили. Я стояла посреди большого зала, посмотрела в ее глаза и только хотела поздороваться, как она вlepила свою фразу, дерзко прыгнув на диван:

– А я тебя помню. Значит, первенца своего ждешь? Ну и?

– Что и? – ответила я.

– Нравится быть новой подопытной крысой? Вечная охрана, ты всегда на мушке у боевиков, ты вообще в курсе?

– Зато я не испугалась, как вы, и не бегу от любимого! – кинула ей я.

– О-о-у! Ну раз ты, девочка моя, заговорила о большой любви, то будь готова к тому, что после смерти Саши они за тобой обязательно придут! А теперь мне пора! Удачи тебе в новой лаборатории! – сказав это, она покинула мой дом, а я заплакала.

Внезапно сильнейшая боль пронзила низ живота, и я потеряла сознание. Не знаю, сколько времени меня не было, но когда я открыла глаза, то у меня уже был сын. Большой богатырь со светлыми волосиками, очень сильно похожий на своего папу. Без лишних мыслей я назвала его в честь отца – Александр, и муж меня в этом поддержал. Вскоре нас выписали домой, а весь мир пронзила страшная весть о смерти легендарного артиста Иосифа Кобзона. Этот человек часто приезжал на концерты к нам на Донбасс, выступал там, где война. А теперь его не стало. На календаре август, конец жаркого лета и начало прохладной осени. Только бы знать, когда будет жарко, а когда холодно среди минометного шквала огня. Саша, как и глава ЛНР, объявил траур, приспустил государственные флаги. Мой любимый муж готовился к поминкам великого артиста.

На девять дней Зоценко встал очень рано, нежно поцеловал сына и меня. Я никогда не видела его таким нежным и

ласковым. Он погладил мои волосы и сказал:

– Я тебя очень сильно люблю!

– Саш, ты словно прощаешься, – сонно ответила я.

– Наша жизнь всегда в руках Божьих! Спице, мои сладкие, а я поехал! – После своих последних слов Саша вышел из нашего гнезда в последний раз. Как оказалось, на него подготовили очередное покушение. Бомба была заложена в ресторане и сдетонировала, когда глава вместе с остальными приглашенными уселись за стол. Зоценко встал, начал прощальную речь в честь великолепного человека:

– Вот уже девять дней, как не стало Иосифа Кобзона. Наша жизнь, как оказалось, не вечна, и мы не знаем, где ждет нас смерть. Давайте помянем великого творца гениальной музыки... – Не успел он договорить, как прогремел взрыв.

К сожалению, глава непризнанной Донецкой Республики скончался. Мне сообщили об этом сразу. Тот день помню смутно, знаю, что охрана от меня и на миллиметр не отходила. Мой любимый погиб, а точнее, его убили. Все как во сне. Его хоронил весь Донбасс. Мы прощались с героем.

Мы смотрим фантастические фильмы с супергероями, представляем, что спасаем мир. Только война на Донбассе показала, что герои живут среди нас. Это самые простые люди, без высших образований, не имевшие за душой миллиардов. Они просто есть и будут, пока терроризм будет отбирать у людей жизни. Герои будут жить вечно, глубоко в наших сердцах. Списки растут с каждым днем, а память о них

вбита навечно в историю Донбасса! Республика будет жить, пока в ней не переведется вера, желание жить нормальной жизнью, а не стоять на коленях. Донбасс выстоит, даже если на него обрушатся килотонны химического оружия. Люди просто воюют за новый теплый мир для своих детей. Нищий и обездоленный народ всегда побеждает, так как борется за свой дом, любимых, свою землю. Они не боятся ни атомной бомбы, ни фосфорных бомб. У них есть вера, а Бог в их сердцах находится всегда.